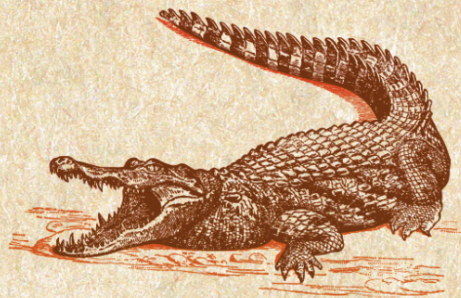

Дарвин

и

любовь

ко всему

живому

БИОГРАФИЯ

В СЕМИ ЭПИЗОДАХ

КЕЙ ХАРЕЛ

Кей Харел

**Дарвин и любовь ко всему живому.
Биография в семи эпизодах**

Издательство "Livebook/Гаятри"

2022

УДК 929
ББК 20

Харел К.

Дарвин и любовь ко всему живому. Биография в семи эпизодах /
К. Харел — Издательство "Livebook/Гаятри" , 2022

ISBN 978-5-907428-81-2

Мы знаем Чарльза Дарвина как великого ученого, но стал бы он таковым, если бы не любил жизнь и все живое вокруг? Если бы не был очарован повадками своих собак, не восхищался оперением павлинов, не занимался изучением сексуальной жизни моллюсков? Все мы обладаем врожденной склонностью искать связи с природой и другими формами жизни, но у Дарвина эта тяга оказалась поразительно сильной. Книга Кей Харел – не обычная биография ученого с пересказом его научных идей, а проницательное исследование того, как Дарвина формировала его любовь к жизни и ко всему живому, или по-научному биофилия. Эта книга о неожиданном Дарвине: обывателе, семьянине, истовом натуралисте, чьи любовь, радость и любопытство породили выдающиеся открытия. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929
ББК 20

ISBN 978-5-907428-81-2

© Харел К., 2022
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава I	9
Введение в биофилию	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кей Харел

Дарвин и любовь ко всему живому.

Биография в семи эпизодах

К.Р., с благодарностью за жизнь, любовь и поддержку

Пришла весна... одна из тех редких вёсен, которым вместе радуются растения, животные и люди.

Лев Толстой, «Весна»

KAY HAREL

Darwin's Love of Life

A SINGULAR CASE OF BIOPHILIA

Публикуется по соглашению с Columbia University Press (a division of The Trustees of Columbia University in the City of New York) и Alexander Korzhenevski Agency.

Дизайн обложки Виктории Лебедевой. Использованы иллюстрации Shutterstock

Copyright © 2022 Karen L. Harel

© Алексей Андреев, перевод на русский язык, 2023

© Издательство «Лайвбук», 2023

Предисловие

Наслаждаясь редким цветком

Источник: воспроизводится с разрешения Джона ван Вайха – редактора ресурса «Онлайн ПСС Дарвина» / The Complete Work of Charles Darwin Online, 2002–, <http://darwin-online.org.uk/>.

Оригинал рисунка находится в доме ученого в Дауне.

Когда Дарвин позировал в 1816 г. для этого рисунка пастелью вместе со своей старшей сестрой Каролиной, ему было шесть или семь лет. Спустя несколько десятилетий после того, как он изменил наше представление о жизни на Земле, сын ученого, ботаник Фрэнсис, вспоминал: «Я помню, как он постоянно восхищался красотой какого-нибудь цветка. Это была

благодарность растению как таковому, любовь к его изящной форме и изысканному цвету. Я даже помню, как он нежно прикасался к восхищавшему его цветку, испытывая совершенно детский восторг». Жена Дарвина Эмма разделяла любовь мужа к цветам, умела их выращивать, а дом был настоящим цветочным раем, как и находящаяся там же ботаническая лаборатория. Больше всего Дарвин любил орхидеи. Он посвятил этим цветам целый том, в котором описал их подробно и с большой страстью: «Устройства, при помощи которого орхидеи опыляются... , являются практически такими же идеальными, как и большинство приспособлений животного мира... Орхидеи... можно считать одними из наиболее уникальных и самых развитых форм». В последнем и наиболее часто цитируемом абзаце труда «Происхождение видов» Дарвин упоминает «густо заросший берег», который был совершенно реальным, располагался поблизости от его дома и на котором росли дикие орхидеи. За изучением этих растений ученый, будучи истинным и восторженным биофилом¹, провел на этом берегу много часов. На этом рисунке, выполненном другом семьи Эллиной Шарплес, Дарвин изображен с экзотической лашеналией алоэвидной (*Lachenalia aloides*), произрастающей на самом юге Африки.

Эта книга написана по принципу совпадения индуктивных сообщений², т. е. получения новых выводов на основе соединения знаний из разных научных дисциплин. В вышедшей в 1998 г. книге «Совпадение индуктивных сообщений: единство знаний» (*Consilience: The Unity of Knowledge*) Эдвард Уилсон писал: «Совпадение индуктивных сообщений еще не является наукой. Это метафизическая точка зрения... Привлекательность такого подхода заключается в вероятности интеллектуального приключения, ценность которого, даже при самом скромном успехе, заключается в создании большей вероятности понимания состояния человека». Я очень надеюсь, что эта книга является интеллектуальным приключением. К сделанным на этих страницах выводам я прихожу на основе таких дисциплин, как антропология, эстетика, философия, физика, поэзия, астрономия, приматология, психоанализ и теоретическая физика.

Для понимания биофилии Дарвина и ее места в жизни и работе ученого достаточно всего лишь одной стихотворной строфы, одной философской теории о происхождении Вселенной; лично для меня они столь же убедительны, как тщательно проведенное исследование в области биологии или полноценный эстетический анализ.

Хотя биофилия – любовь к жизни – является достаточно туманной концепцией и размытым термином, более близким к искусству, ей отведено серьезное место в теориях нескольких влиятельных мыслителей: психоаналитика Эриха Фромма и нашего современника, естествоиспытателя Эдварда Уилсона. Фромм считал, что биофилия основана на стремлении к выживанию и делал особый акцент на любви ко всему, что этому выживанию способствует, в том числе альтруизме. Уилсон использует это понятие для описания любви к природе, а также единства всех живых организмов. Ряд других теоретиков предлагали схожие определения, но другими словами. Биофилия – это многосторонний термин, «двухэтажный», по словам философа Акила Билграми, и именно в таком смысле он фигурирует в моей книге, где я использую его для обозначения целой гаммы понятий от рефлекторного инстинкта выживания до сознательного культивирования чувства прекрасного. Общего, «безразмерного» и устраивающего всех определения биофилии не существует, однако его можно характеризовать описательно. В философии есть старый афоризм: то, что невозможно определить, можно показать путем описания. Именно так я и намереваюсь поступить.

Мой основной тезис заключается в том, что понимание Дарвином эволюции, описанное в его трудах и проанализированное в личных заметках и дневниковых записях, основывалось на принципах биофилии, и это отношение можно назвать биофилией в действии. Именно бла-

¹ Биофилия – свойство личности, ориентированное на любовь к живому и на созидание. – Примеч. пер.

² Английский термин *consilience of induction* был впервые предложен Уильямом Хьюэллом и буквально обозначает «совместный прыжок» (от латинского *com-* «вместе» и *-silens* «прыгает»). – Примеч. ред.

годаря биофилии Дарвин смог увидеть то, что не заметили другие. Сам ученый не использовал этот термин как таковой, но описывал его смыслом другими словами: «у всех животных существует один инстинкт», «один общий принцип мысли», «один живой дух». Специалист по Дарвину Говард Грубер писал: «Мы должны понимать, какие формы мысли он использовал». В этой книге я покажу биофилию во всех ее формах и проявлениях.

Данную книгу можно назвать мысленным экспериментом, упражнением в развитии воображения, текстовой импрессионистской картиной о восприятии и психологии гиганта мысли. Это не академическое исследование, не научная работа, а книга достаточно личная. Дарвин высоко ценил работы ученого Александра фон Гумбольдта за их «редкое единение поэзии и науки». Именно такими словами я хотела бы описать свой подход к цели и методу работы над этой книгой. Можно сказать, что этот труд – ни рыба ни мясо, причудливый гибрид, появление которого объясняется желанием работать по принципам теории совпадения индуктивных сообщений. Я влюбилась в наследие Дарвина, едва начав читать его труд «Происхождение видов», между строк которого увидела удивительного человека: очень аккуратно обходящегося с фактами, но при этом выдвигающего кардинально новую теорию, милейшего, но крайне логичного, точного в выборе своих слов, но описывающего неизведанное, говорящего мягким и спокойным голосом, но развивающего свою мысль с силой и упорством бульдозера. Читая его труды, я задавалась вопросом: «Кто же он такой?» И я решил найти ответ. Во время работы над книгой я неизменно задавала себе и другой вопрос: «Согласился бы сам Дарвин с моими мыслями и выводами?»

Семь глав этой книги являются связанными между собой эссе на тему биофилии Дарвина. В первой главе под названием «Исследование биофилии» я представляю читателю тему и в общих чертах рассказываю о той любви, которую великий ученый питал ко всему живому. В последующих шести главах я обсуждаю разные аспекты биографии и работы Дарвина, а также то, какое влияние на них имела его любовь к живым существам. Вот эти темы: собаки (гл. II), факты (гл. III), мысли (гл. IV), чувства (гл. V) и красота (гл. VI). В последней, седьмой главе вы найдете описание семейной жизни ученого, а также информацию о его жене и наследнице Эмме Уэджвуд, разделявшей чувства биофилии своего мужа. Я опишу их семейную жизнь, а также наполненный любовью дом, являющийся в настоящее время музеем.

Эти вопросы появляются в книге по степени нарастания сложности; для того, чтобы читатель с легкостью ознакомился с материалом, необходимо по ходу чтения расширить свое понимание того, как биофилия повлияла на жизнь и работу Дарвина. Одновременно с этим перед вами все в большей степени будет открываться теория биофилии. Тем не менее, за исключением вступления, эта книга представляет из себя модульную конструкцию, поэтому читатель может в первую очередь ознакомиться с наиболее интересными для него темами без ущерба для нарратива.

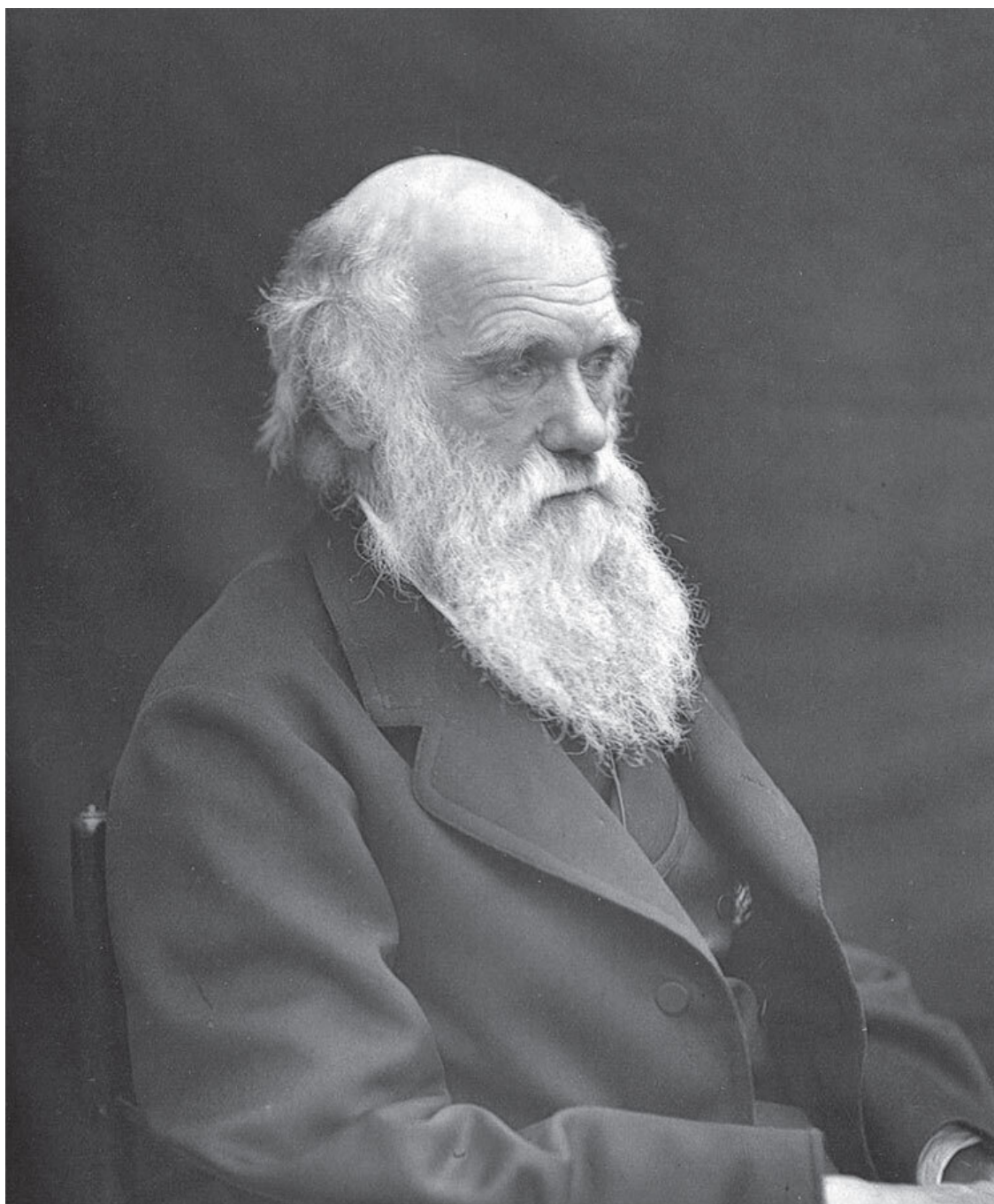
В книге «Структура научных революций» (*The Structure of Scientific Revolutions*) Томас Кун писал: «Философы от науки неоднократно демонстрировали, что на основе определенного набора информации всегда можно создать более одной теоретической конструкции». После создания такой конструкции ученые оценивают соответствие получившейся теории изначальному запросу. Я построила свою теорию о биофилии на основе определенного набора информации и фактов. Пожалуйста, оцените, соответствует ли она тому, чему должна.

Глава I

Исследование биофилии

Мы не в состоянии четко разделить человека на его животную и рациональную части.

Уильям Джеймс³

«Древний мудрец»

³ Уильям Джеймс, англ. *William James* (1842–1910) – американский философ и психолог. Старший брат писателя Генри Джеймса. – Примеч. пер.

Источник: воспроизводится с разрешения Джона ван Вайха – редактора ресурса «Онлайн ПСС Дарвина» / The Complete Work of Charles Darwin Online, 2002–, <http://darwin-online.org.uk/>.

Это Дарвин в 1874 г., в возрасте шестидесяти пяти лет; фотография сделана его сыном Леонардом. Спустя два года ученый написал автобиографию, предназначенную не для публикации, а для собственных детей и внуков. В этой автобиографии он признался, что был «в разных смыслах плохим мальчиком». И дальше Дарвин был серьезен: «Я пытался писать... словно уже умер и оглядывался с того света на собственную жизнь. Это было несложно, потому что моя жизнь почти окончена». (Он умер шесть лет спустя.) Биофилия – бесконечная любовь к жизни – предполагает прагматическое признание смерти. Спустя несколько месяцев после того, как Дарвин начал писать мемуары, к ученому приезжал русский ботаник Климент Тимирязев. Позднее Тимирязев сравнивал Дарвина с «древним мудрецом или патриархом из Ветхого Завета». Русский ученый рассказал Дарвину о своих исследованиях хлорофилла, на что англичанин отвечал: «Хлорофилл является, возможно, самым интересным органическим соединением». Хлорофилл участвует в процессе превращения физической энергии света в биохимическую энергию растения. То есть можно утверждать, что он является доказательством возможности превращения неорганических соединений в органические. С точки зрения мудрецов и всех тех, кто размышляет о происхождении жизни, процесс фотосинтеза действительно представляет большой интерес.

Говорят, сломанные часы два раза в день показывают точное время. Шарлатаны-френологи писали о том, что на голове Дарвина находится большой «орган преклонения». Сам Чарльз Дарвин не преклонялся иудейско-христианскому богу, в которого верила его жена Эмма. Различия в вопросе отношения к религии были, пожалуй, единственным поводом для разногласия супругов, которые во всем остальном отлично ладили. Вскоре после свадьбы Чарльз и Эмма поняли, что Дарвин не будет ходить в церковь. В написанных для своих детей мемуарах ученый высказал следующую мысль: «Учитывая, с какой яростью на меня нападают ортодоксы, кажется смешным, что я когда-то хотел стать священником». Смешно, да не очень – учитывая размер «шишки преклонения», которая, вероятно, выросла на голове Дарвина во время кругосветного путешествия на корабле «Бигль», начатого им в возрасте двадцати двух лет. Увидев Чарльза сразу после его возвращения, его отец воскликнул: «Форма твоей головы сильно изменилась!» За пять лет Дарвин успел впитать массу информации, увидеть мир, полный разнообразия и единообразия, развития и смерти, красоты и ужаса, загадок и таинств, чтобы сохранить все это в своем невероятном мозгу.

Увиденное Дарвином убедило его, что мир – это «одна популяция», «все... подчиняются одному закону». Он размышлял: «Существует один живой дух... принимающий многообразие форм». Эти строки взяты из одной из его ранних записных книжек; они показывают, что в то время ученый пока никому не раскрывал свои интуитивные находки. Фраза «один живой дух» передает преклонение перед богом, похожее на то, которое могли испытывать представители коренных народов после появления в их среде религиозных верований. Или, возможно, Дарвин позаимствовал эту фразу из драмы «Эллада» поэта Перси Шелли. В папке ученого под названием «Старые и бесполезные записи» есть следующие строки: «У всех животных в зависимости от вида присутствует единый инстинкт». В этой фразе есть определенная декларативность, которую ученый, правда, не развил и не конкретизировал. Его внимание привлекали другие аспекты «одной популяции».

Возможно, что единым инстинктом, наличие которого предчувствовал Дарвин, являлась биофилия – стремление организма оставаться живым, включающее в себя многие аспекты, от рефлекса выживания до стремления к красоте, «в зависимости от вида». Биофилия – латинизм, означающий «любовь к жизни». Пока никто не доказал, что биофилия является естественной

силой природы, и на данный момент эта концепция – всего лишь теория. Тем не менее литератор и теоретик эволюционного развития Сэмюэл Батлер уже давно писал о том, что самосохранение является первым законом природы. Самосохранение – это и есть биофилия в прямом биологическом смысле. В наши дни американский биолог Эдвард Осборн Уилсон описывал биофилию человека как любовь к природе, являющуюся одним из аспектов любви к жизни. Существует несколько описаний биофилии, и насчитывается несколько других теорий, в которых присутствуют силы, похожие и сравнимые с биофилией. Дарвинский «один живой дух», один инстинкт, один закон полностью соответствуют гештальту биофилии.

Дарвин особо выделял любовь к жизни потому, что сам был биофилом. Уильям Джеймс писал: «Если нечто в определенной степени присутствует в некоторых людях и присутствие это очевидно, то вполне вероятно, что в других это проявится в высокой степени». Дарвин обладал интуитивной способностью увидеть стремление жизни к ее продолжению в себе самой. Подтверждения этому он наблюдал в копошении в почве дождевого червя, брачных битвах самцов лосося, пении церковного хора, рассказах Марка Твена, поступательном движении гелиотропного растения в сторону солнца и в танцах молодого человека на сельской ярмарке. Он видел общий и единый живой дух на всех поросших травой берегах, которые изучал, в характере собак, в убедительности фактов, а также на примере целого ряда чувственных и эстетических переживаний. Биофилия была словно увеличительным стеклом, которое он всегда держал перед глазами, изучая тот или иной уголок природы, особенности культуры, морали, красоты, всего и вся. Он испытывал уважение к любви самой жизни к жизни, к живости всего живого.

Ученые описали различные аспекты дарвиновской биофилии – правда, без использования самого термина. У него было много черт, свойственных людям с высоко развитым чувством биофилии: он был оригинальным, творческим, мудрым, обладал интуицией, умел выделить главное в массе информации и сделать из этого принципиальные выводы, испытывал эмпатию, чувствовал единство всего живого и обладал способностью увидеть определенные закономерности без наличия прямых доказательств. Все эти качества являются результатом большой любви и уважения к жизненному импульсу и логике жизни. Говард Грубер писал, что Дарвин «сделал предметом своего исследования все царство живых существ». Эрнст Майр высоко ценил «исключительно богатый ум» Дарвина, позволявший ему выращивать гипотетические деревья из настоящих семян. Бернард Кэмпбелл хвалил его за «удивительно точные выводы». Действительно – можно создать целую настольную игру под названием «Дарвин угадал». Гэвин де Бир писал о его «удивительной проницательности». Шарлотта Мэри Янг высказывалась так: «Воображение, которое свободно перемещалось в пространстве и времени». Джордж Левин: «В Дарвине интеллект и чувство слились воедино». Дженет Браун: «Он переворачивал каждую из проблем с ног на голову до тех пор, пока проблема переставала быть таковой». Адриан Десмонд и Джеймс Мур отмечали способность Дарвина выдвигать «дерзкие догадки». Даже современник ученого Сент-Джордж Джексон Майварт, который резко критиковал выводы ученого, сделанные в работе «О происхождении человека», высоко оценил его «доброжелательную умелую наблюдательность». Грубер писал, что Дарвин мог «решительно и вдумчиво рассмотреть и учесть целый ряд возможностей». Все перечисленные качества Дарвина указывают на его биофилию.

Грубер также писал о «необходимости понять, какими формами мысли он пользовался». Одной из этих форм является биофилия, направленный полет мысли, стремление к правде в душе ученого. С точки зрения биофилии теория эволюции казалась ему совершенно очевидной, но представлялась весьма туманной в разрезе современных ему теорий. Именно благодаря биофилии Дарвин не делал различий между «высшими» и «низшими» формами жизни. Он видел связь между растением и математиком, а разум воспринимал как что-то, развившееся из инстинкта. Логика биофилии была везде, куда бы он ни посмотрел.

Введение в биофилию

Биофилия – это не какая-то шарлатанская, беспочвенная гипотеза, не родственник френологии. Недостаточная доказательная база – явление исключительно временное. Такое может случиться даже с лучшими из теорий, включая теорию Дарвина. Биофилией интересуются ученые, теоретики, психологи и даже авангардная исландская певица Бьорк – автор мультимедийного проекта под названием «Биофилия» (*Biophilia*), получившего в 2013 г. музыкальную премию «Грэмми». В общем, биофилия – теория привлекательная, весомая и убедительная.

Если, как утверждал Батлер, самосохранение является первым законом природы, то точно такое же место оно занимает в представлениях биофилии. Другими словами, источник биофилии – это стремление жизни к своему продолжению. Используя слова поэта Халиля Джебрана, биофилию можно определить как просто «желание жизни жить». Дарвина часто привлекали различные проявления инстинкта выживания, желания жить. Однажды во время кругосветного путешествия его поразило поведение «маленького и приятного на вид паука», который «делал вид, что умер», когда его испугали. Ученого удивила такая стратегия, этот сложный и ранее выработанный рефлекс. Получается, что паук решает не защищать свою жизнь, однако при этом своим поведением ее защищает. Мы не можем силой воли заставить себя перестать дышать: когда человек задыхается, то тело начинает автоматически стремиться получить доступ к воздуху. Дыхательный рефлекс является врожденным. Тело стремится жить. Желание жить, интуитивная любовь к жизни полностью соответствует постулату Дарвина о существовании «общего инстинкта».

Психоаналитик Эрих Фромм считал, что в основе биофилии лежит инстинкт самосохранения. Фромм писал, что, стоя на плечах «биологов и философов», он считал «сохранение своего существования неотъемлемым качеством всей живой материи». По его мнению, биофилия является психологической любовью к жизни в одном конце спектра, в то время как с другой стороны находится психологическая любовь к смерти:

«Продуктивное ориентирование является полным развитием биофилии. Кто любит жизнь, тот чувствует свое влечение к процессу жизни и роста во всех сферах. Для него лучше создать заново, чем сохранять. Он в состоянии удивляться и охотнее переживает нечто новое, нежели ищет прибежища в утверждении давно привычного. Жизненные приключения представляют для него большую ценность, чем безопасность. <...> Он видит целое, а не только его части... Он хочет формировать и влиять посредством любви, разума и примера. <...> Биофильная этика имеет собственный принцип добра и зла. Добро есть все, что служит жизни; злым является все, что служит смерти. Добро есть глубокое уважение к жизни, все, что служит жизни, росту, развитию. Злым является все, что душил жизнь, стесняет ее и расчленяет на куски. Радость – это добродетель, а печаль – грех. <...> Рафинированный некрофил – душевнобольной; рафинированный биофил – святой»⁴.

Биофилия Дарвина очень подходит под описание, содержащееся в первом предложении цитаты Фромма, в особенности под слово «продуктивной». Дарвин был необыкновенно плодовитым автором, написал несколько десятков книг о проведенных экспериментах, о проблемах таксономии (классификации), а также подробно разработал теоретические вопросы по целому ряду тем, начиная от моллюсков, орхидей, земляных червей, чувств и заканчивая своим самым известным вкладом в науку – теорией эволюции. Фромм также писал о том, что биофила «привлекает процесс жизни и роста во всех сферах». Предметом своего изучения Дарвин выбрал природу. Процесс жизни притягивал его, как гравитационное поле. С детства, проведенного

⁴ Все цитаты из книги «Душа человека» приводятся (если не указано иное) по изданию Фромм Э. «Душа человека». – М.: Республика, 1992. – Примеч. ред.

в сельской Англии, он жил в единении с природой. Начав с коллекционирования камней и жуков, он на всю жизнь полюбил калейдоскоп жизненных форм, а также стал специалистом по самым разным природным процессам и особенностям развития флоры и фауны. Он посвятил свою жизнь «росту во всех сферах» – от наблюдений за растениями до развития эволюционных изменений. Он отказался от всех других образовательных и карьерных возможностей для того, чтобы заниматься изучением жизни в зарождающейся научной области. Он провел несколько десятилетий в кабинете и своих домашних лабораториях, где изучал бесконечное количество самых разных видов, чтобы создать свою теорию на основе фактов, выявленных усердным трудом.

Фромм также пишет о том, что биофил «предпочитает созидать». Несмотря на то, что Дарвин обладал прекрасными практическими навыками, он предпочитал теоретизировать и однажды признался, что любит строить гипотезы: «Не могу себе отказать в том, чтобы выдвинуть гипотезу по каждому предмету». Свою склонность теоретизировать он называл «построением воздушных замков». Дарвин очень серьезно относился к своим мечтаниям: «Такие потоки мысли делают из человека открывателя», – считал он. Он был склонен представить себе всю эволюцию в синекдохе⁵ птичьего клюва. В этом смысле ученый полностью соответствует данному Фроммом определению биофила как человека, который «видит новое и целое, а не его части». Дарвин создал очень много нового и целого. Он говорил о том, что работа «Происхождение видов» являлась «одним длинным аргументом». Теория эволюции была настолько масштабным «новым», что Дарвин изложил ее в четырех связанных общей теорией книгах: «Происхождение видов путем естественного отбора», «Изменение животных и растений в домашнем состоянии», «Происхождение человека и половой отбор» и «Выражение эмоций у человека и животных». Каждая из этих книг – увесистый том.

Фромм писал, что биофил – это человек, который удивляется и открывает. Прогулка по лесу в Бразилии восхитила Дарвина; по его собственным словам, он испытал «высшее чувство изумления, удивления и благоговения, наполнивших и возвысивших ум». Его сын Фрэнсис вспоминал, как видел своего отца в подобном состоянии: «Я помню, как он постоянно восхищался красотой какого-нибудь цветка. Это была благодарность растению как таковому, любовь к его изящной форме и изысканному цвету. Я даже помню, как он нежно прикасался к восхищавшему его цветку, испытывая совершенно детский восторг». Удивление было его нормальным состоянием. Такое отношение он выразил в работе «Происхождение видов»: «...было бы крайне опрометчиво предполагать, что большинство ныне существующих низших форм... [обладают] поистине удивительной и прекрасной организацией»⁶. А если говорить об открытиях, то мир признает, что Дарвин раздвигал горизонты знания.

Дарвин всегда был в состоянии, как выразился Фромм, «увидеть что-то новое». Только любопытные могут видеть новое, а любопытство Дарвина не знало границ. В Кембридже Дарвин учился спустя рукава, но его профессор тем не менее вспоминал о нем так: «Этот Дарвин – мастак вопросы задавать». Дарвина привлекало неизвестное, он удивлялся и самым обычным, и самым странным вещам, его занимали такие таинственные явления, как феномен зевания и перья павлинов. Биограф ученого Грубер писал, что для Дарвина «поиск правды являлся источником наслаждения». Дарвину нравилось учиться.

В описании биофила Фромм, кроме прочего, выделяет разум, а также то, что биофилы подают пример другим. Вот что мы читаем у Дарвина: «Но можно спросить, каким образом

⁵ *Синекдоха* – троп, разновидность метонимии, стилистический прием, при котором название общего переносится на частное, например «Эй, борода!» при обращении к бородатому человеку или «Ни птицы, ни зверя в лесу», что подразумевает вообще множество зверей и птиц. – *Примеч. ред.*

⁶ Все цитаты из книги «Происхождение видов» приводятся (если не указано иное) по шестому английскому изданию в переводе К. А. Тимирязева при участии М. А. Мензбира, А. П. Павлова и А. И. Петровского из открытых источников. – *Примеч. ред.*

аналогичный принцип может найти применение в природе? Я полагаю, что может и в очень действенной форме (хотя прошло много времени, прежде чем я понял, как именно)». Дарвин признается, что некоторые явления были ему непонятны, но он находит разгадку и подает этим хороший пример. Вот что он писал о разуме в работе «Происхождение видов»: «Если человек может терпеливо отбирать вариации, полезные для него, то почему бы... не могли часто возникать и сохраняться или быть отобранными вариации, полезные для живых произведений природы? Какой предел может быть положен этой силе...?» Дарвин, по словам Фромма, был способен «формировать и влиять посредством... примера...»

Если затрагивать более эмоциональные аспекты биофилии, то можно утверждать, что поведение Дарвина полностью соответствовало утверждению Фромма о том, что «радость – это добродетель» в контексте добродетельности как счастья. Отношение Дарвина к счастью как к чему-то священному прослеживается в его любви к Энни, одной из своих дочерей, которая была исключительно веселой и доброй, но умерла в детском возрасте (см. гл. V). И касательно тезиса Фромма «Жизненные приключения представляют для него большую ценность, чем безопасность» можно вспомнить, что Дарвин любил строить теории, которые можно назвать своего рода интеллектуальными приключениями. Ну а если говорить о перемещениях в пространстве, то не будем забывать, что Дарвин совершил кругосветное путешествие.

Фромм утверждает, что в восприятии биофила «добро – это уважение к жизни». В работах Дарвина мы находим самые разные аспекты такого отношения, это уважение к жизни, а также любовь и трепетное почитание чудес природы. «Природа, – с восторгом восклицал Дарвин, – ...мы слишком слепы, чтобы понимать, что она хотела... выразить». Это очень похоже на то, как некоторые религии воспринимают своих богов. «Я не вижу предела для величины изменения... которые могли бы быть... вызваны силой естественного отбора», – писал он, в очередной раз демонстрируя веру в бесконечность, которая обычно ассоциируется с управляющей миром сверхъестественной сущностью. Когда Дарвин говорит о том, что называет «красотой и бесконечной сложностью» адаптации живых организмов, то неизменно делает это с большим уважением. Раз за разом он выражает свое удивление; по его словам, «невозможно изучать любое живое существо, сколь бы скромным оно ни являлось, без того, чтобы со всей душой восхищаться его строением и особенностями». Говоря о сложной структуре глаза и эволюционном развитии этого органа, он писал: «Потрясающие изменения функций... возможны».

И, наконец, в самом конце данного Фроммом определения мы читаем слово «святость». В домашней жизни и в научной работе Дарвин вел себя как святой: бродил по дому в полном спокойствии, искренне стремился найти правду и обрести радость, баловал детей и обожал жену. Он делал одолжения соседям, активно переписывался с учеными коллегами, с большим терпением воспринимал критику и вообще вел себя как истинный джентльмен, даже когда рушил устои.

Очень лестный портрет Дарвина составил блестящий ботаник и специалист по физиологии растений Климент Тимирязев, посетив его поместье в 1877 году. Историю этой встречи Тимирязев рассказал одному русскому журналу в 1909 г. (ее с легкостью можно найти в интернете). У Тимирязева было рекомендательное письмо к Фрэнсису, который в то время уже был известным ботаником, работавшим и проводившим исследования в доме семьи в Дауне. Несмотря на наличие рекомендательного письма, Тимирязев ожидал, что у него «захлопнут дверь перед носом», потому что к тому времени Дарвин был уже инвалидом. Тем не менее Тимирязев приехал в дом ученого и привез собственную книгу о Дарвине в качестве подарка. Тимирязев писал, что чувствовал себя «обшарпанным иностранцем», хотя на самом деле являлся весьма значимой фигурой: он был аристократом, переводчиком Чарльза Диккенса и Джорджа Элиота, он построил в России первые теплицы, продвигал программы высшего образования для женщин. В честь Тимирязева назван астероид и кратер на обратной стороне Луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.